

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1987
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

ПАДЕЖНЫЕ ФОРМАНТЫ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ XI в.

В этой статье мы рассмотрим падежные форманты, встречающиеся в языке, представленном одним из жанров японской литературы XI в. — моногатари (повести). Этот жанр является наиболее близким к разговорному языку того времени. Мы не будем ограничиваться синхронным срезом, но также попытаемся рассмотреть развитие функций падежных формантов начиная с древнеяпонского языка УШ в. и дать, насколько это будет возможно и целесообразно, сравнительно-исторический комментарий.

В отечественном японоведении существует давний спор о том, что представляют собой японские падежные форманты — суффиксы падежей или послелоги.¹ Японские лингвисты считают эти форманты падежными служебными словами. Эту же точку зрения разделяют и западноевропейские японисты. Вслед за В.М. Алпатовым мы будем рассматривать эти показатели как агглютинативные падежные форманты.

История японской падежной системы характеризуется двумя важными тенденциями:

1) большая часть падежных формантов сохранилась с древнейших времен до наших дней;

2) многие из них существенно изменили функции.

К числу не сохранившихся в языке прозы XI в. или сохранившихся в реликтовых случаях древних падежных формантов относятся три: -и, -ту, -на.

Формант -и встречается крайне редко даже в текстах "Манъ-ёсю" (УШ в.), например: Ки-нб сэкимори-и тбдбматэму ка мо (М, 771)² "Страж заставы в [провинции] Ки остановит ли [меня]?" Он имеет функцию показателя именительного падежа. Учитывая монофтонгизацию пряяпонских дифтонгов *ай > э и *ой, *уй > *и³ в период, непосредственно предшествующий УШ в., и последующую конвергенцию древнеяпонской восьмигласной системы в пятигласную (а > а; у > у; и, й > и; э, э > э; о, б > о), можно в ряде японских слов выделить скрытый именительный на -и. Например, мэ "глаз", др.-яп. мэ < *ма-и. Основа *ма восстанавливается в композитах: ма-на-ко "глаз", зрачок" (букв. "дитя глаза"), ма-бута "веко" (букв.

"крышка глаза"). Формант -и имеет надежное соответствие в среднекорейском форманте именительного падежа -и, например ср.-кор. пáрам "ветер" - пáрам-и, на "я" - най. Возникновение новой основы, включавшей в себя скрытый формант именительного падежа, привело к появлению в древнеяпонском языке параллельных форм некоторых слов, например: ама/амэ "небо".

Форманты притяжательного падежа -ту и -на редко использовались в текстах VIII в., употребляясь практически только в композициях и фразеологических оборотах, например: ма-на-ко "зрачок", аки-ту-ками "явленный бог". В XI в. эти форманты встречаются уже только в словах, являющихся композитами по происхождению, например: минато "порт" ми "вода" + на + то "дверь".

Для праяпонского состояния можно реконструировать притяжательный падеж на *-н, не сохранившийся в виде самостоятельной морфемы в древнеяпонском языке, ввиду утраты последним конечных слоговых согласных. Рефлексом *-н мы считаем озвончение (точнее, преназализацию) начального согласного второго компонента композита, имеющего структуру "имя" + "имя", например: яма "гора" + *ти "дорога" > ямади "горная дорога" (яма^нди < *дама-н ти); *ма "глаз" + фута "крышка" > мабута "веко" (ма^нбута < *ма-н фута).

Регулярными для языка моногатари XI в. служат следующие форманты:

1) Формант -но (др.-яп. -нó) являющийся в современном языке показателем родительного падежа, а также оформляющий подлежащее придаточного определительного предложения, в японском языке XI в. имел следующие функции:

а) притяжательного падежа: токоро-но сама (XII, 158, 2)⁴ "вид [того] места"; тори-но кова (XII, 154, 3) "голос петуха";

б) местного падежа: соно токоро-но дайджин кугяу тудофитэ... (XII, 275, 4) "В том месте собрались министры и придворные...". Эта функция -но сохраняется вплоть до XV в., например: коно токоро-но, Такасаго-но ... (ЕК, 66, 5) "В этом месте, в Такасаго..." В языке VIII в. примеров на подобное употребление -но еще больше, тогда как в языке XVI-XVIII вв. -но в этой функции уже не встречается;

в) именительного падежа в придаточном определительном предложении: ... Вау Каку-сян-но икэру каусоу-ни... (XII, 154, 16) "... в многоэтажном здании, где жил Ван Гоцзе...";

г) именительного падежа в главном предложении; примеров такого употребления -но очень мало: какару фито-но офасикэру ё (XII, 155, 8) "Есть такие люди!" Чаще всего подлежащее остается

неоформленным. В I свитке "Хамамацу тюнагон моногатари" (XI в.) подлежащее главного предложения оформлено но всего 15 раз, а остается неоформленным 592 раза.

2) Формант ни употреблялся в течение всей истории японского языка в качестве показателя дательного-местного падежа: Рэкияу то ифу токоро-ни фунэ томэтэ... (ХМ, 153, 9-10) "Оставили лодку в месте, называемом Лиян..."; ... тори-но ковэ-ни нисэтэ (ХМ, 154, 6) "... подражая голосу петуха...". Иногда в значении местного падежа ни может осложняться частицей -тэ: иризэ-но мидууми-нитэ (ХМ, 153; 4) "в озере-устье". Наконец, мы нашли один пример, где ни выполняет функцию притяжательного падежа: Каракуни то ифу моногатари-ни э-ни (ХМ, 154, 12-13) "на картинках повести "Китай". Можно заметить, что функции формантов но и ни являются отчасти идентичными. Мы предполагаем, что в прааппонском языке это были два сингармонических варианта одной морфемы родительного-дательного падежа, в дальнейшем разошедшихся по функциям. В языке XI в. мы застаем лишь следы этой вариативности. Отметим, что в среднекорейском языке также существовал единый родительного-дательный падеж, реконструируемый для пракорейского в виде *ни.

3) Формант во в прозе XI в. в подавляющем большинстве случаев имеет функцию винительного падежа: урэфэ-во ясумэ... (ХМ, 156, 1) "[Это] успокоило [его] печаль...". В отличие от современного японского языка прямое дополнение при переходном предикативе может быть и не оформлено во: ...тю: нагон-но офасимаси токоро-~~о~~ какаюу бакари ситуратитэ суфэтатэматуру (ХМ, 154, 16) "... место, где будет находиться тюнагон, устроили, убрав его так, что оно прямо-таки сияло". По-видимому, так же как в тюркских и монгольских языках, наличие или отсутствие форманта винительного падежа зависело от определенности или неопределенности объекта. В языке УШ в. и в поэтических памятниках IX-XI вв. во часто встречалось в функции показателя подлежащего при сказуемом, выраженном качественным предикативом, что может свидетельствовать о реликте эргативности или активности в древнеяпонском языке.⁵ В языке прозы XI в. примеры на употребление во в этой функции почти не встречаются, а в новояпонском языке ХУП в. они исчезают окончательно. В некоторых случаях во выполняет функцию исходного падежа: соко-во татитэ (ХМ, 153, 4) "отправившись оттуда". В сравнительно-историческом плане формант во < *бб может быть сопоставлен с аналогичным формантом бэ в тунгусо-маньчжурских языках.

4) Формант эри в языке прозы XI в., в отличие от языка УШ в., в функции показателя сравнительного падежа употребляется

значительно чаще, чем в функции показателя исходного падежа: се-ре-эри уруфасикутэ... (ХМ, 202, 7) "[это] красивее, чем то...". Вместо эри в функции исходного падежа начинает использоваться -кара, встречающийся еще довольно редко.

5) Формант -га, использовавшийся в древнеяпонском языке исключительно как показатель притяжательного падежа, начинает использоваться как показатель именительного падежа при подлежащем, представленном субстантивированным предложением: ... игру-га курусику... (ХМ, 374, 14) "... смотреть [на это] горько... (буив. смотрение [на это] горько)".

6) Остальные падежные форманты - -то, -маде и -фо практически не отличаются по своим функциям от соответствующих формантов современного языка.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что падежная система языка прозы XI в. занимает промежуточное положение между древнеяпонской и новояпонской системами. Следовательно, по крайней мере в области склонения язык японской прозы XI в. представляет собой не поздний древнеяпонский, а среднеяпонский язык.

1. В.М.Алпатов. Еще раз о характере ганго в японском языке. - "Вопросы японской филологии", № 5. М., МГУ, 1981.
2. Для цитат из "Манъёсю" указывается номер стихотворения.
3. Знаками э, и, о мы передаем древнеяпонские гласные второго сингармонического ряда.
4. Для цитат из прозаических памятников и драматических произведений указывается номер страницы по изданию и номер строки на странице.
5. А.В.Вовин. О реликте эргатива в древнеяпонском языке. М., ИНИОН, 1985. Деп. № 21071.

Сокращенные обозначения текстов:

- М - "Манъёсю" (万葉集. 日本古典文学大系, 4-7. 東京 1956).
ХМ - "Хамамацу тонагон моногатари" (浜松中納言物語. 日本古典文学大系, 77. 東京, 1964).
ЕК - "Ёкёку" (言書曲. 日本古典讀本, 8 東京 1938).

И.Н.Воевуцкий

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

Под конфессиональным языком (по другой терминологии - агноязыком) мы будем в данной работе понимать разговорный язык той